

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

М. И. Лапицкий

Глазами Ключевского:
наше прошлое, настоящее, будущее

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/1991-4-Lapickiy.pdf>

URL: <http://www.civisbook.ru>

ГЛАЗАМИ КЛЮЧЕВСКОГО: НАШЕ ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Живость, величайшая² живость — вот качество, которое первым в нем бросалось в глаза... Это и есть талант. Ключевский был в высшей степени талантливый человек; не профессор, не ученый, но именно — человек.

В. Розанов

В январе нынешнего года наша страна отметила 150-летие со дня рождения Василия Осиповича Ключевского. В этом же году исполняется и 80 лет со дня его смерти. Так что 1991 год как бы дважды юбилейный для крупнейшего русского историка и политического мыслителя второй половины XIX — начала XX века. Читая и перечитывая в наши дни страницы его работ, поражаешься его провидением. Мы обнаруживаем, что мысли и идеи этого замечательного историка удивительно современны. Почему? — Он схватывает многие типические черты российской действительности, общие для всех времен. Поэтому «ответы» на разнородные ситуации кажутся такими актуальными.

Итак, представим себе, что мы обращаемся к Ключевскому с вопросами, которые сегодня тревожат нас. Хочется надеяться, что форма такого интервью поможет читателям найти у Ключевского многое, что интересует их, а также ближе познакомиться с этим выдающимся мастером афоризмов (составлено по: В. О. Ключевский. Сочинения. Т. IX. М., 1990).

116

Вопрос. Хотелось бы знать, почему мы такие, почему дошли до жизни такой, что за рок витает над нашей страной? На каких исторических путях и перепутьях искать нам ответ на этот вопрос? Может быть, в истории нашего крепостничества?

Ответ. ...В истории холопства в России. Военное или экономическое насилие превратилось в юридический институт, который посредством продолжительной практики превратился в привычку, а она по отмене института осталась в нравах как нравственная болезнь (с. 375). При крепостном праве мы были холопами чужой воли; получив волю размышлять, мы стали холопами чужой мысли (с. 381). Всего больше платимся мы за то, что не умеем быть вовремя умны (с. 378).

Вопрос. Почему же мы все-таки никак не можем выйти из порочного круга наших бед?

Ответ. В других обществах всякий живет, работая и частью проживая, частью наживая; в русском одни только наживаются, другие проживаются и никто не живет и не работает... Государству служат худшие люди, а лучшие — только худшими своими свойствами (с. 387—388).

Вопрос. В недавние годы мы редко смотрели на себя со стороны критическим взглядом, не связывали свои внутренние проблемы с общемировыми,

возвели глухую стену, отгородясь от остального мира. Сейчас у нас, кажется, стало больше правды. Почему же, находясь в тесной близости с Европой, по сути сами являясь ее частью, мы не могли и не можем до сих пор встать в «дружный демократический ряд» западных стран?

Ответ. Закон жизни отсталых государств или народов среди опередивших: нужда реформ назревает раньше, чем народ созревает для реформы. Необходимость ускоренного движения вдогонку ведет к перениманию чужого наскоро (с. 361). Привозная с Запада наука долго оставалась бесплодной для русской жизни, потому что встретилась с житейскими понятиями и порядками, совсем чуждыми этой науке, и не трогала, перерабатывала их по-своему, оставаясь нарядной и бездеятельной роскошью отдельных умов (с. 358).

Вопрос. Последние десятилетия, кажется, наглядно продемонстрировали прочность многих измов, в которые мы некогда так свято верили; они доказали свою нереальность, когда соприкоснулись с жизнью. Некоторые люди, правда, продолжают в них верить или делать вид, что верят. Что бы Вы могли сказать по этому поводу?

Ответ. Известные учения, всем надоевшие измы выдохлись и брошены: высокообразованные и гуманно развитые люди, впрочем, сохранили немногие капли этих духов в виде благородных, гуманных убеждений и идей; но жизнь безжалостно докалывает эти пузырьки, сберегаемые для освежения и подкрепления слабых голов. Это похоже на игру черта с младенцем и было бы чрезвычайно жестоко, если бы одно недоразумение не делало этой игры смешной и нелепой. Между тем как дух времени, общество избивает этих младенцев, гниющих в более или менее возвышенных мечтах о будущих лучших временах,

... когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.

Оно не хочет подумать о том, что эти младенцы — его же дети и живая улика отцов. В чем сущность и последний результат этих не только социально-коммунистических, но и тех благонамеренных, так называемых научных, мечтаний о человеке и обществе, которые наши сентиментальные педагоги-институтки внушают при всяком случае своим гимназическим отрокам? В полном предании себя на закланье обществу, в сквозном проникновении себя идеей о благе людей, о поголовном братстве и равноправии всех на одинаковое развитие, на одинаковые наслаждения и удобства, в совершенном обезличении человека (с. 282—283).

Вопрос. А может быть, оставив все эти измы, вновь, как некогда, пойти в народ, найти опору в народе, ведь по сути во главе всего должны стоять его интересы?

Ответ. Не так давно еще из разных лагерей неслись дикие крики, призывавшие к благоговению перед народом, перед черной народной массой. На колени перед народом! Учитесь у народу уму-разуму! Черпайте из его священной сокровищницы великие уроки истории и правды! Скиньте свои паскудные сюртучишки и облекитесь в эти святые зипуны! Последний призыв нашел многих последователей. Но между тем как раздавались эти вопли о поклонении перед мужиком, мужик не слушал, да и не слышал их; между тем как увивались около него и лизали его грязный зипун, он — сказать к чести его — смеялся над этим холопским занятием...

Благоговение перед народом, массой, пред черноземной нашей почвой, пред ее глубокой и широкой нетронутой натурой! Но ведь благоговение возможно

только пред сознательной, духовной силой. Имеет ли смысл преклонение пред громадой Мон-Блана? Наш народ совершил много великого, еще не созданного, не оцененного ни им самим, ни благоговейшими пред ним народопоклонниками. Но в создании этого великого действовали силы, подобные тем могучим и слепым силам, которые подняли громадные горы. Им можно изумляться, их можно страшиться; всего лучше спокойно изучать их действие и создания; но поклоняться им есть детская нелепость; подозревать в них таинственный глубокий разум есть самообольщение; это значит прилагать к ним, как к стене горох, свои собственные идеи или измышления, рядить их в свои наряды, как дети рядят кукол, и потом вести с ними умные беседы, слышанные от папеньки и маменьки (с. 284—285).

Вопрос. Но ведь нельзя отрицать, что нашему народу всегда приходилось вести борьбу, и порой отчаянную, за свое существование; не заслуживает ли это уважение, преклонение перед ним?

Ответ. Слава народу, который выдержал эту борьбу: поучительна история этой борьбы для будущих веков, но этим еще не завершается его призвание; надо еще подождать, пока он оправдает свое право на жизнь, столь мужественно завоеванное; надо подождать, было ли зачем огород городить, — и тогда уже с благоговейным вниманием и надеждой искать в глубине его народности, его духа той глубоко поучительной разумной сути, которая даст нам чудесные истины для будущего. Эта разумная суть развивается и обнаруживается сама для разумно ищущего глаза только тогда, когда народ, совершив с победой материальную борьбу за жизнь, начинает жить на счет свободных, разумных сил, запасается свободными, разумными интересами. А эта предварительная черная работа, закладка материальных основ жизни, пусть продолжается она тысячелетия, проста и понятна, ибо в сущности везде и всегда одинакова; изучать ее ход надобно внимательно и долго, ибо это все работа человека, человеческого общества; и в формах, какие она принимала, могущих разнообразиться до бесконечности, легла не одна черта оригинальная, характеризующая природу человеческого общества в известном положении или прознаменующая имеющий сложиться впоследствии, в другом периоде жизни, характер народа, его мирозерцание; но в массе, вышедшей из этой приготовительной работы, подозревать чудеса, искать необыкновенных уже образовавшихся свойств и явлений духа значит отведывать неиспеченное тесто. Эта масса всегда и везде одинакова в сущности; ее особенности внешние имеют только временное или местное значение, и было бы напрасно искать в ней свойств духа человеческого, имеющих вечное и общее значение, дополняющих развитие его неисчерпаемого содержания. Такое искание может только навредить тому более простому изучению, которого ждет совершившаяся приготовительная работа народа (с. 286).

Вопрос. Сейчас наша страна переживает время, которое можно было бы назвать «смутным». Могли бы Вы провести дифференциацию между нормальным, спокойным временем и смутным?

Ответ. Смутные времена только тем отличаются от покойных, что в последние говорят ложь, надеясь, что она сойдет за правду, а в первые говорят правду, надеясь, что ее примут за ложь; разница только в объекте вменяемости (с. 367).

Вопрос. Хотелось бы узнать, что Вы думаете об историческом процессе, ибо трудно, не отойдя на значительное расстояние от своего времени, осознать данный момент в историческом контексте, тем более в период, когда рушится привычное, казавшееся совсем недавно стабильным, нерушимым.

Ответ. Изучение нашего прошлого бесполезно — с отрицательной стороны. Оно оставило нам мало пригодных идеалов, но много поучительных уроков, мало умственных приобретений и нравственных заветов, но такой обильный запас ошибок и пороков, что нам достаточно не думать и не поступать, как наши предки, чтобы стать умнее и порядочнее, чем мы теперь (с. 359).

Наша история идет по нашему календарю: в каждый век отстаем от мира на сутки (с. 386). Мы гораздо более научаемся истории, наблюдая настоящее, чем поняли настоящее, изучая историю. Следовало бы наоборот (с. 384).

Историк задним умом крепок. Он знает настоящее с тыла, а не с лица. Это недостаток ремесла, как кривизна ног у портного. Отсюда оптимизм историков, их вера в нескончаемый процесс, ибо зад настоящего краше его лица. У историка пропасть воспоминаний и примеров, но нет ни чутья, ни предчувствий (с. 358).

Беликорус — историк от природы: он лучше понимает свое прошедшее, чем будущее; он не всегда догадается, что нужно предусмотреть, но всегда поймет, что он не догадался. Он умнее, когда обсуждает, что сделал, чем когда соображает, что нужно сделать. В нем больше оглядки, чем предусмотрительности, больше смирения, чем нахальства (с. 401). В России развилась особая привычка к новым эрам в своей жизни, склонность начинать новую жизнь с восходом солнца, забывая, что вчерашний день потонул под неизбежной тенью. Это предрассудок — все от недостатка исторического мышления, от пренебрежения к исторической закономерности (с. 427).

Вопрос. Мы часто обвиняем наше руководство в неумении управлять страной: правые хотят, чтобы оно поправело, левые — чтобы оно поледело. Отчего зависит образ правления в стране?

Ответ. Образ правления в государстве — то же, что темперамент в человеке. Что такое темперамент? Это способ распоряжения своими мыслями и поступками, насколько он зависит от установленного всей конструкцией человека соотношения его духовных и физических сил. Что такое образ правления? Это способ направления народных стремлений и действий, насколько он зависит от установившегося исторически соотношения его нравственных и материальных средств. История, прошедшее для народа — то же, что для отдельного человека его природа, ибо природа каждого из нас есть не что иное, как сумма наследственных особенностей. Значит, как темперамент есть совокупность бессознательных, но из самого человека исходящих условий, давящих на личную волю, так образ правления определяется суммой независимых от общественного мнения, но из самого народа исходящих условий, которые ограничивают общественную свободу. Общественное мнение в народе — то же, что личное сознание в отдельном человеке. Следовательно, как темперамент не зависит от сознания, так образ правления не зависит от общественного мнения. Первый момент может измениться от воспитания; второй изменяется народным образованием (с. 366).

Вопрос. Австрийский поэт XIX века Франц Грильпарцер предвидел в свое время не путь прогрессивного развития к миру между различными народами, а скатывание от гуманизма через национализм к вражде, одичанию в отношениях между людьми. Это предупреждение, похоже, сбывается в нашей стране. Сейчас нас раздирают национальные конфликты. В чем, с Вашей точки зрения, корни этих наших бед?

Ответ. Противоречие в этнографическом составе Русского государства на западных европейских и восточных азиатских окраинах: там захвачены области или народности с культурой гораздо выше нашей, здесь — гораздо ниже; там

мы не умеем сладить с непокоренными, потому что не можем подняться до их уровня, здесь не хотим ладить с ними, потому что презираем их и не умеем поднять их до своего уровня (с. 360—361). Завоевание надобно поставить на почву соглашения, силу заменить правом (с. 354).

Вопрос. Какие общие черты на протяжении российской истории Вы видите в органах правления?

Ответ. Они эксплуатировали все свои права и атрофировали все свои обязанности (с. 406). Нынешняя политика: менять законы, реформировать права, но не трогать господствующих интересов (с. 360). У нас нет ничего настоящего, а все суррогаты, подобию, пародии: *quasi* — министры, *quasi* — просвещение, *quasi* — общество, *quasi* — конституция, и вся наша жизнь есть только *quasi una fantasia* (с. 361).

Не знаю общества, которое терпеливее, не скажу доверчивее, относилось к правительству, как не знаю правительства, которое так сорило бы терпением общества, точно казенными деньгами (с. 430).

Вопрос. Что же в таком случае общество должно предъявлять правительству?

Ответ. Всякое общество вправе требовать от власти, чтобы им удовлетворительно управляли, сказать своим управителям: «Правьте нами так, чтобы нам удобно жилось». Но бюрократия думает обыкновенно иначе и расположена отвечать на такое требование: «Нет, вы живите так, чтобы нам удобно было управлять вами, и даже платите нам хорошее жалование, чтобы нам весело было управлять вами; если же вы чувствуете себя неловко, то в этом виноваты вы, а не мы, потому что не умеете приспособиться к нашему управлению и потому что ваши потребности несоместимы с образом правления, которому мы служим органами» (с. 426).

Вопрос. Какой Вы видите бюрократию: все еще мощной силой или ослабевшей после резкой критики в ее адрес со стороны общества?

Ответ. Бюрократия есть сила, утратившая цель своей деятельности и потому ставшая бесцельной, но не переставшая быть сильной (с. 350).

Вопрос. Что же нам делать, как найти почву под ногами, как возродиться?

Ответ. Как среди непрерывных изысканных пиров люди, к ним не привыкшие, ощущают иногда неодолимый позыв к куску черного хлеба, так и мы среди легкой роскоши изысканных теорий не раз с тоской и жаждой вспоминали о самых простых, самых первоначальных основах общественного развития — о бодрости мысли и чувстве законности. Среди наших умственных и общественных оргий эти два питательных элемента находили себе всего меньше места; но чем больше перепариваемые изобретения надорванного духа притупляли наш умственный и нравственный вкус, тем сильнее чувствовали мы питательность этих забытых или отверженных элементов, тем яснее сознавали их необходимость для общественного организма и привыкли ценить их как лучшие блага, лучшие опоры человеческого общества (с. 290).

Вопрос. Многие десятилетия в нас умерщвляли бунтующую природу нашего творческого начала, в конечном счете отучая от способности мыслить самостоятельно, от индивидуальной мыслительной деятельности. Так у нас по су-

шеству жили всю свою жизнь люди, достигшие сейчас 50—60 лет. Неужели так было и с Вами?

Ответ. Мы выросли под гнетом политического и нравственного унижения. Мы начали помнить себя среди глубокого затишья, когда никто ни о чем не думал серьезно и никто ничего не говорил нам серьезного. Затем последовали военные бури; с ними совпали первые минуты нашей сознательной жизни, но нам не были известны ни их причины, ни смысл, — да и не нам одним... Таковы были первые полученные нами самые свежие впечатления исторической жизни России, тяжкими камнями повисшие на нашей шее за грех отцов. Под бременем этих впечатлений мы принагнулись и присмирели (с. 293—294).

Россия на краю пропасти. Каждая минута дорога. Все это чувствуют и задают вопросы: что делать? Ответа нет... (с. 417).

Вопрос. Сейчас так трудно жить «в настоящем», что многих из нас невольно тянет в прошлое, далекое прошлое. Почему такими прекрасными кажутся нам эти размытые образы минувшего, эти видения забытого и не пережитого ни нами, ни нашими ближайшими предками?

Ответ. В душе человеческой есть дивное спасительное свойство реакционной экспансивности. Достигнув высшей степени напряжения, сузившись до крайности и здесь натолкнувшись на препятствие, не пускающее дальше, душа неизбежно расширяется в прошедшее. Житейский толчок способен был бы привести в отчаяние, если бы эта расширяемость в прошедшее не являлась на помощь. Чем уже и тернистее становится путь человека, чем безнадежнее уходит он в себя, тем шире и глаже разворачивается в его воображении пройденная дорога. С прелестью теплого, насиженного гнезда восстает перед ним минувшее, восстает не в реальной смуте и холоде, а в той волшебной переделке, какую способно производить с прошедшим только пережившее его сердце. Опять поднимаются песни, когда-то звучавшие, оживают биения, когда-то бившие в сердце. Так всякий раз, когда останавливается движение жизни в будущее, является возможность вновь пережить прожитое, но пережить в другой, идеальной редакции, ибо здесь хозяйничает уже творческий дух, а не внешние силы. Вот где смысл тех камней, которыми и усеян путь человека и о которые он так часто спотыкается в своем вечном суетливом стремлении вперед (с. 294).

121

Вопрос. Перестройка, осуществляющаяся в нашей стране — понятие емкое и многогранное. Каждый мыслящий человек имеет свое понимание этого понятия. Что Вам видится за этими процессами?

Ответ. Перестраиваются не политические понятия и общественные интересы, а политические чувства и социальные отношения; думают не о том, что делать и как устроиться, а о том, что можно сделать и захватить и чего нельзя, кто враг и кого потому надобно побить и кого опасно бить. Политическая революция разделяется в социальную усобицу, и само правительство превращается в одну из социальных партий, только маскируясь в личину государственного органа (с. 343).

Вопрос. Многие десятилетия в нашей стране существовала однопартийная система, в последнее время наконец произошел сдвиг к многопартийности. Возникло множество различных партий со своими программами, концепциями. Что бы Вы могли сказать по этому поводу?

Ответ. У нас политические партии — не порядки убеждений или образы мыс-

лей, а возрасты или экономические положения (с. 385). Уровень политического развития народа определяется политическими формами жизни. У нас выработалась низшая форма государства, вотчина. Это собственно и не форма, а суррогат государства. Но, скажут, этой формой целые века жил великий народ, и ее надобно признать самобытным созданием народа. Конечно, можно, как «голодный хлеб», признать изобретением голодающего народа; однако это не делает такого хлеба настоящим (с. 423).

Вопрос. Как бы Вы определили в двух словах состояние умов, чувств в переходный период?

Ответ. Эпидемичность мысли, стадность настроения (с. 426).

Вопрос. Сейчас мы худо-бедно, но медленно приближаемся к правовому государству. Нам сегодня, может быть, как никогда раньше, нужны квалифицированные юристы. В чем Вы видите различие между историком и юристом?

Ответ. Разница между историками и юристами только в точках зрения: историки видят причины, не замечая следствия; юристы замечают только следствия, не видя причин (с. 402). Историки — юристы, не принимая в расчет совокупность условий жизни, вращаются в своей замкнутой клетке (с. 349).

Историк — наблюдатель, не следователь (с. 386).

Вопрос. Некоторые бросают Вам упрек, что в Ваших основных работах недостаточно места уделяется правовым вопросам. Правомерны ли эти упреки?

Ответ. Не я виноват, что в русской истории мало обращаю внимания на право: меня приучила к тому русская жизнь, не признававшая никакого права (с. 424).

122

Право — исторический показатель, а не исторический фактор, термометр, а не температура. Действующее законодательство содержит в себе *minimum* правды, возможной в известное время. Порядочные люди нуждаются в законе только для защиты от непорядочных; но закон не преобразует последних в первых. Закон — рычаг, которым движется тяжеловесный, неуклюжий и шумный паровоз общественной жизни, называемый правительством, рычаг, но не пар (с. 333).

Вопрос. Как бы Вы могли определить роль интеллигенции?

Ответ. Интеллигенция не создает жизни и даже не направляет ее. Она не может ни толкнуть общество на известный путь, ни своротить его с пути, по которому оно пошло. Но она наблюдает и изучает жизнь. Из этого наблюдения и изучения, веденного по местам многие века, сложилось известное знание жизни, ее сил и средств, законов и целей. Это знание, добытое соединенными усилиями и опытами разных народов, есть общее достояние человечества. Оно хранится в литературе, переходит в сознание лиц и народов с помощью образования. Каждый отдельный народ стоит ниже этого научного запаса; не было и нет народа, участвовавшего в общей жизни человечества, который всей своей массой знал бы все, до чего додумалось человечество. Посредницей в этом деле между человечеством и отдельными народами должна быть его интеллигенция (с. 419).

Интеллигент — диагност и даже не лекарь народа. Народ сам залечит и вылечит свою рану, если ее почувет, только он не умеет вовремя замечать ее. Вовремя заметить и указать ее — дело интеллигенции, а чтобы заметить неправильность отправления в жизни известного народа, необходимо знать физиологию

всего человечества. Ее дело *caveant consules* (пусть будут бдительны консулы) (с. 420).

Вопрос. Новое время, которое мы переживаем в период перестройки, породило огромное число болтунов, оказавшихся в различных эшелонах власти, заговаривающих, забалтывающие все на свете. Они по сути подменяют словами действие. Как Вы относитесь к такой породе людей?

Ответ. Есть два рода болтунов: одни говорят слишком много, чтобы ничего не сказать, другие тоже говорят слишком много, но потому, что не знают, что сказать. Одни говорят, чтобы скрыть, что они думают, другие — чтобы скрыть, что они ничего не думают (с. 367).

Вопрос. В своем знаменитом «Курсе русской истории» Вы описываете, так сказать, внешнюю историю человечества, в гораздо меньшей степени обращая внимание на его историю внутреннюю. Интересна ли Вам именно эта сторона жизни человека?

Ответ. Мы не привыкли обращать должного внимания на многие явления, из которых складывается внутренняя история человека, — и именно на те явления, которые, возникая из обыкновенных, самых простых причин, производят в нас незаметную, неосознаваемую работу и уж только результат дают нашему сознанию. Удивительно ли, что в нас иногда обнаруживается так много непонятого для нас самих, неожиданного, чудесного. Каждая дума, ощущение, каждая сцена, пронесшаяся перед глазами, оставляет след в душе, не всегда сознаваемый; а из суммы таких следов складывается известное настроение, даже взгляд. Если для образования известного характера необходим выбор подходящих к нему впечатлений, то этот выбор невозможен без предварительного изучения свойств и причин впечатлений, наиболее обыкновенных и часто возникающих, а также и условий, при которых они действуют на человека известным образом (с. 280).

123

Вопрос. Сейчас мы много говорим о милосердии, благотворительности. Наконец-то мы начали понимать, что это весьма важный элемент любого общества. Что бы Вы могли сказать по этому поводу?

Ответ. Благотворительность больше родит потребностей, чем устраняет нужд (с. 385). Истинная цель дела благотворительности не в том, чтобы благотворить, а чтобы некому было благотворить (с. 388).

Вопрос. Почему у нас так широко сложилась привычка к некачественному труду, почему добросовестность, уважение к чужому и своему труду, хозяйский подход к делу редко встречаются в нашей жизни, зато чаще приходится сталкиваться с нежеланием или неумением трудиться (или с тем и другим одновременно), с халатностью, бесхозяйственностью, ленью?

Ответ. Крепостной труд — ежеминутный саботаж — работа, низверженная до допускаемого законом минимума (с. 360).

В России нет средних талантов, просто мастеров, а есть одинокие гении и миллионы никуда не годных людей. Гении ничего не могут сделать, потому что не имеют подмастерьев, а с миллионами ничего нельзя сделать, потому что у них нет мастеров. Первые бесполезны, потому, что их слишком мало; вторые беспомощны, потому что их слишком много (с. 373).

Вопрос. Но ведь буквально лет десять назад мы лучше работали, добросовестнее. Что же происходит с нами?

Ответ. Вырождение: отец еще умел кой-что строить; сын способен только городить (с. 414).

Вопрос. Известно, что Вы в течение многих лет были профессором истории Московского университета. Хотелось бы узнать Ваше мнение о молодежи, студентах, уровне их знаний, степени подготовленности к восприятию лекций, наконец, отличаются ли они от студентов прошлых лет?

Ответ. Они знают может быть больше, но понимают, несомненно, меньше. Они приходят к нам с умами возбужденными, но совершенно пассивными: умеют усвоить, впитывать в себя, но не умеют перерабатывать, переваривать. Они прочтут и изложат, что и сколько угодно; но задайте им вопрос, ответ на который они должны найти в том же, что они прочитали и изложили, — они не ответят ничего или ответят не на вопрос... Что дает гимназическое преподавание для университетского? Говорят, кадры исторического знания: перечень царствований, войн, имен, дат. Гимназист переходит в университет с сердечным отвращением и презрением ко всему этому... Выходя из гимназии в университет, он не знает, зачем ему то, чему он учился в гимназии; возвращаясь из университета в гимназию, он не знает, что ему делать с тем, что он узнал в университете (с. 407—408). В нынешней школе учатся только для того, чтобы разучиться что-нибудь понимать (с. 414).

Вопрос. А теперь традиционный вопрос: что бы Вы хотели пожелать нам, жителям России конца XX века?

124

Ответ. Не ищите в нашем прошедшем своих идей, в ваших предках — самих себя. Они жили не вашими идеями, даже не жили никакими, а знали свои нужды, привычки и похоти. Но эти дедовские безыдейные нужды, привычки и похоти судите не дедовским судом, прилагайте к ним свою собственную, современную вам нравственную оценку, ибо только такой меркой измерите вы культурное расстояние, отделяющее вас от предков, увидите, ушли ли вы от них вперед или попятитесь назад. Так называемая историческая объективность — бэконовская *virgo sterilis* (бесплодная дева) (с. 358).

Вопрос. Разрешите сугубо личный вопрос. Как, по-Вашему, должен чувствовать себя человек в трудные переломные периоды?

Ответ. Тоскливо, грустно отзываются во мне звуки жизни. Сколько в них негармоничного, жестокого! Как раздражителен и восприимчив мой внутренний слух! Труд заглушает во мне отзвуки, полные боли. Но как только на минуту станешь свободен, опять начинаются эти припадочки... уныния. В степь бы... или в лес! ... Я призываю к себе спокойствие безучастного наблюдателя, пока рассеется мрак, покрывающий наше гадкое время. Тогда мне будет все равно, по какой ни идти дороге. Одного бы еще попросил я у Бога — сохранения хоть капли веры в людей, следовательно, и в себя... (с. 279)

«Беседу» записал М. И. Лапицкий